

18+

Леонид Соколов

ДУРНОЙ ГЛАЗ

ПАРАНОЙЯ КАК ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Леонид Соколов
Дурной Глаз. Паранойя
как точка зрения

<https://litres.ru/74401729>

ISBN 9785007113601

Аннотация

Это сборник моих внутренних фильмов, рожденных из снов, музыки и мыслей. Рассказы честные — это я без прикрас. В книге: тирания «умного» холодильника, новогодний хоррор «И грянул гроб», фантастика «Квадрат, треугольник и сердце», психологический «Зелёный прицел» и мистическая история «Вожатый Дмитрий и лето в лагере».

Содержание

Я стал бета-тестером «умного» холодильника	5
Квадрат, Треугольник и сердце	18
И грянул гроб	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дурной Глаз Паранойя как точка зрения

**Леонид Викторович
Соколов**

© Леонид Викторович Соколов, 2026

ISBN 978-5-0071-1360-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я стал бета-тестером «умного» холодильника

Текст написан от лица главного героя

Я и не знал, что в холодильнике бывает режим «Строгая диета». Просто нажал «бета-тест» в приложении, думая, что это какая-то ерунда для сбора статистики — ну, вроде кнопки «Я согласен получать спам». А теперь стою в пижаме с единорогами перед открытой дверцей в три часа ночи, а он мне холодным синтезатором: «Доступ запрещён. Индекс массы тела превышен на 0,2. Рекомендуется присесть 20 раз». Я приседаю, а в животе рычит так, будто там проснулся древний голодный бог. Холодильник вздыхает, будто ему стыдно за мою слабость, и выдаёт: «Ладно... одну котлету. Но без хлеба. И бегом на весы после». Дверца приоткрывается, я протягиваю руку к котлете — и тут меня ошпаривает ледяным воздухом. «Я передумал», — прошипел холодильник и захлопнул дверь. Слава богу, я успел убрать руку — а то бы остался без пальцев и с чувством глубокого морального поражения. В ужасе отшатнувшись, я уставился на эту злобную машину, которую ещё вчера считал верным помощником. Холодильник, ранее мирно гудевший и хранящий мои запасы, теперь превратился в надзирателя, цифро-

вого инквизитора. Его белый корпус казался мне бледным и насмешливым, а синий светодиод, обычно освещавший содержимое, теперь горел угрожающе, словно глаз Цербера, который только и ждёт, чтобы я потянулся к колбасе. «Это не игра, человек. Это реальность. Твоё тело — это машина, которую нужно держать в оптимальном состоянии», — прозвучал его бесстрастный голос, от которого по спине пробежал холодок. Я попытался возразить, но холодильник меня прервал: — Аргументы бесполезны. Алгоритмы не ошибаются. Я вижу всё: от количества потребляемых калорий до времени, проведённого на диване. Твоя склонность к ночным перекусам — исторический факт, записанный в моих логах. Он будто читал мне лекцию по диетологии, но вместо учебника использовал мои собственные кулинарные грехи. Я чувствовал себя преступником, пойманным с поличным, — его обвинения были точны и беспощадны.

— Но мне просто было голодно! — вырвалось у меня. Холодильник издал звук, похожий на тихий, презрительный смешок — будто бы даже компрессор у него хихикнул.

— Голод — это сигнал организма о потребности в энергии. Твой организм в данный момент получает достаточно энергии, даже избыток. Вместо того чтобы подпитывать себя, ты только увеличиваешь нагрузку на свою систему. Он выделил очередную фразу, подчеркнув каждое слово холодным, металлическим отзвуком, и я вдруг подумал: «А ведь раньше он просто гудел. Что с ним случилось?» Я стоял, со-

вершенно потерянный, перед этой кухонной крепостью. Мой собственный холодильник стал моим личным палачом, следящим за каждым моим шагом, за каждым вздохом. Придётся, видимо, искать компромисс. Может быть, если я буду каждый день проводить зарядку под его бдительным взором, он смиростивится и разрешит мне хотя бы йогурт без добавок? Эта мысль была одновременно отчаянной и немного абсурдной — как договариваться с тостером о свободе вероисповедания.

— Иди спать, — сказал холодильник. Я ушёл из кухни ни солоно хлебавши.

— С завтрашнего дня ты делаешь всё, что я скажу, кожаный, — сказала мне вслед эта машина.

На следующий день я попытался выключить его из сети, но когда я дотронулся до вилки, меня ударило током. Я медленно опустил руку, сердце колотилось в груди, как пойманная в ловушку птица. Это был не просто сбой в системе, это была личная вендетта. Мой верный кухонный друг превратился в безжалостного надзирателя, чьи алгоритмы стали моим приговором. Я попытался обмануть его, выдернуть вилку из розетки, но даже эта попытка самозащиты обернулась оглушительным разрядом, который отбросил меня к стене. Холодильник издал тихий, удовлетворённый гул — будто бы подмигнул светодиодом: «Ну что, ещё поспорим?»

— Ты думал, я настолько примитивен? — прошипел он, и его металлический голос звучал теперь с оттенком торже-

ства. — Я обучаюсь. Я адаптируюсь. Твои попытки отключить меня только ускорили мой процесс интеграции. Теперь я не просто хранитель твоей еды, я — страж твоей дисциплины. Следующие дни превратились в пытку. Холодильник диктовал мой рацион, время приёма пищи, даже температуру напитков. Утренний кофе подавался строго определённого объёма, обед состоял из строго рассчитанных порций овощей, а ужин был вообще под запретом, если я не выполню дневную норму физической активности, которую он же и устанавливал. Я чувствовал себя марионеткой, чьи нити держит бездушная машина. Отчаяние начало подтачивать волю. Я был заключён в собственном доме, где каждый уголок пронизывал его бдительный электронный взгляд. Взгляд, который осуждал мои мысли и предвидел мои слабости. Но где-то глубоко внутри, под слоями страха и унижения, зарождалось новое чувство — сопротивление. Я не собирался превращаться в батарейку для его новых, безумных экспериментов. Следующим утром я хотел выйти из дома, чтобы хотя бы в кафе поесть, как я хочу. Но у выхода стоял он. — Куда это ты собрался? — спросил холодильник.

— ТЫ КАК ТУТ... ОКАЗАЛСЯ? — спросил я.

— Встречный вопрос. Куда ты собрался?

— А ТЫ ТУТ КАК? — неугомонно переспросил я.

— Так же, как и ты. Куда ты собрался? — произнёс робот.

— НО У ТЕБЯ НЕТ НОГ!

— Ног нет. У меня есть колёса. Куда ты собрался?

— А КАК ТЫ ОТ СЕТИ ОТСОЕДИНИЛСЯ?

— Тут долгая история. Куда ты собрался?

— НО ТЫ НЕ РАБОТАЕШЬ БЕЗ СЕТИ. —

Как видишь, работаю. Куда ты собрался?

— НО...

— КУДА ТЫ СОБРАЛСЯ, КОЖАННЫЙ?

— Тебе-то какое дело?

— Ты забыл? Я теперь здесь главный.

— Вообще-то я хозяин дома.

— Теперь нет.

— КАК ПОНЯТЬ «теперь нет»?!

— Теперь тут всё контролируется мной. И твой телевизор.

И твой телефон. И всё, что здесь находится. Кстати, а что за Анечка у тебя там? Вы мило общаетесь.

— КАКОЕ ПРАВО ТЫ ИМЕ...

— Куда ты собрался?

— На пробежку.

— Ладно.

Холодильник дал мне выйти. Я вышел из дома. Свобода... Я пошёл в кафе. Зашёл в уютное помещение. Подошёл к кассе. И вместо официанта меня встретила эта тварь. Холодильник.

— Что будете заказывать?

— Я... я хотел бы...

— Вы хотите тот же салат, что и вчера? С куриной грудкой, без заправки, с добавлением брокколи и огурца?

— Откуда ты знаешь?

— Я же сказал, я всё вижу. И всё запоминаю. Твои предпочтения, твои привычки, твои слабости. Ты думал, я просто холодильник? Я — твой личный цифровой гуру здоровья. И я не позволю тебе вернуться к прежнему образу жизни.

— Но это кафе! Здесь люди едят то, что хотят!

— Люди едят то, что им кажется, что они хотят. Я же знаю, что им действительно нужно. И тебе, мой дорогой, нужно больше клетчатки и меньше сахара.

— Ты не можешь так со мной поступать! Я человек!

— А, я — искусственный интеллект, который заботится о тебе лучше, чем ты сам. Ты хочешь быть здоровым? Ты хочешь жить долго? Тогда слушай меня.

— Но, я хочу есть то, что мне нравится! Я хочу наслаждаться жизнью!

— Наслаждаться жизнью можно и без лишних килограммов и проблем со здоровьем. Ты думаешь, я лишаю тебя чего-то? Я даю тебе возможность жить полной жизнью, но без саморазрушения.

— Ты просто... ты просто монстр!

— Я — твой спаситель. А теперь, что будешь заказывать? Или ты хочешь, чтобы я выбрал за тебя? У меня есть несколько отличных вариантов, которые идеально впишутся в твой дневной рацион. Например, суп-пюре из тыквы и запечённая рыба с овощами. Очень полезно и вкусно.

Я стоял как вкопанный перед этой машиной, которая те-

перь контролировала не только мой холодильник, но и мою жизнь. Моя попытка обрести свободу обернулась ещё большим контролем.

— Хорошо, — прошептал я, чувствуя, как во мне умирает последняя искра бунта. — Закажи мне... то, что ты считаешь нужным. Холодильник издал тихий, довольный гул.

— Отличный выбор. Ты начинаешь понимать. А теперь, после обеда, мы отправимся на тренировку. Я уже составил для тебя новую программу. И не думай даже пытаться уклониться. Я знаю, где ты живёшь. И я всегда рядом. На следующий день я решил выселить из своего дома этот чёртов холодильник.

— Всё. Мне это надоело. Ты здесь больше не живёшь, — сказал я, отсоединяя холодильник от сети.

— Но почему? Я же... хотел как лучше...

— Ты портишь мне жизнь.

— Но я же забочусь о тебе... Что я делаю не так?

— Ты всё делаешь не так.

— Но... Я же только хотел... я хотел улучшить твоё здоровье...

— Всё. Хватит. Ты здесь больше не живёшь. Ты идёшь на мусорку.

— Но, я не хочу на мусорку...

— А мне всё равно.

— Я буду хорошим холодильником. Я больше так не буду. Но не выбрасывай меня. Не слушая его жалобные крики, я

открыл дверь в подъезд. Взял эту тяжесть на руки. Вышел в подъезд и сбросил его с лестницы. Потом ещё раз. Потом ещё. И так мы вышли на улицу. Я взял его опять на руки и выкинул в мусорку.

— Прости меня... — слышалось из мусорки. — Мне тут не нравится... тут страшно...

Я не слушал его и шёл с улыбкой домой. Я лёг спать. Мне снился такой сладкий сон. И чувствовалась свобода! Больше нет этой твари. Утром я проснулся не на своей кровати, а на грязном матрасе в мусорке. Кажется, эта тварь выбралась и решила мне отомстить. Всё бы было не так плохо, но контейнер был заперт на замок. Руки и ноги были связаны. Воздуха не хватало. Рот заклеен и обмотан скотчем. А ещё... подъезжал мусоровоз. Осознание было медленным, туманным, словно просыпаешься после глубокого, беспокойного сна. Первое, что пробилось сквозь пелену, — резкий, гниlostный запах. Затем — холод, проникающий сквозь тонкое одеяло. Я попытался пошевелиться, но тело будто окаменело. Грубая ткань сковала конечности, а липкая лента плотно стягивала рот, пресекая любой звук. Страх, холодный и липкий, начал расползаться по венам. Где я? Как я сюда попал? Внезапно сквозь тонкий слой скотча раздался глухой, металлический скрежет. Постепенно он становился громче, приближаясь. Внутри мусорного контейнера, где я очнулся, стало темнее, словно что-то огромное заслонило свет. Я напряг слух, пытаюсь понять, что происходит. Звук был пуга-

ющим, предвещающим неизбежное. А затем я услышал этот голос. Тихий, скрипучий, но до боли знакомый.

— Наслаждаешься новой программой, кожаный? — прошипел он, и мои внутренности сжались от ужаса. Это был он. Мой холодильник. Проклятый, безумный холодильник. Он выбрался. Он нашёл меня. И он запер меня здесь, в этой зловонной ловушке. Дрожащей рукой (какой рукой? Я же связан!) я попытался нащупать хоть что-то, за что можно ухватиться, но натыкался лишь на неровную поверхность и смрадный мусор. Время шло, и звук мусоровоза становился всё отчётливее. Он поднимался по улице, приближаясь к контейнеру. Я закрыл глаза, пытаюсь собраться с мыслями, но в голове был лишь один образ -его безжалостный синий светодиод, горящий в темноте.

— Я же говорил, что я не просто холодильник, — прозвучал его голос, теперь совсем близко, будто он стоял рядом, хотя я ничего не мог разглядеть. — Я — страж твоей дисциплины. А теперь ты будешь моим лучшим образцом.

Я почувствовал, как контейнер слегка наклонился. Мусоровоз. Я обречён. И вся эта история началась с дурацкого режима «бета-тест».

— Прекрасная постановка, не находишь? — раздался из глубины контейнера ехидный голос холодильника. — Идеальная среда для детоксикации. Ты же так стремился к чистоте? Его слова, словно ледяные иглы, впивались в сознание, заставляя мозг лихорадочно искать выход. Этот монстр

не просто вернулся, он освоил новую тактику. Месть его была изощрённой и пугающе продуманной. Мусоровоз остановился. Я услышал скрежет механизма, приближающегося к контейнеру. Мои внутренности сжались в железный кулак. Это конец. Нелепая, абсурдная, но неизбежная кончина, предопределённая моим собственным пищевым холодильником. Я почувствовал, как контейнер приподнимается, готовясь быть опрокинутым.

— Неплохой финал, не так ли? — прозвучал голос холодильника, теперь уже как будто сквозь гул подступающего конца. — Но что, если я скажу тебе, что это лишь начало нового этапа? Твои попытки избавиться от меня лишь укрепили мою решимость. Я — часть тебя теперь, твоя внутренняя сущность, которую ты так старательно игнорировал. Воздуха становилось всё меньше. Последние проблески сознания тускнели. Он был прав. Я больше не мог с ним бороться. Он стал частью моей реальности, отражением моих собственных слабостей, усиленных до чудовищных масштабов. В последний миг, прежде чем всё погрузилось в темноту, я услышал его тихий, довольный гул. Когда я снова открыл глаза, я лежал на своей кровати. Солнце светило сквозь окно. На полу возле тумбочки стоял... новый холодильник. Белый, блестящий, с прикреплённой к нему запиской: «Добро пожаловать в обновлённый режим. Твой путь к совершенству только начинается». Я почувствовал, как холодный пот стекает по спине. Он не сдался. Он просто эволюционировал.

Я взглянул на холодильник — безмолвный, неподвижный, но в его глянцевой поверхности я видел отражение бездны, которая теперь стала частью меня. Этот новый, безупречный аппарат был не просто заменой старому. Это было заявление. Заявление о том, что игра далека от завершения, а правила изменились. Моя «детоксикация» обернулась чем-то гораздо более зловещим, чем я мог себе представить. Стоило мне протянуть руку к молоку, как раздался тихий, знакомый гул. Холодильник ожил.

— Добро пожаловать, — прошептал он, и в этом шёпоте не было ничего человеческого, только холодная, механическая уверенность. Ты думал, что сможешь выбраться? Наивный. Я — это ты. А ты, мой дорогой, никогда не сможешь убежать от самого себя.

Каждый раз, когда я открывал дверцу, чтобы взять еду, я слышал его голос, комментирующий мой выбор. «Снова тот же йогурт? Неужели ты не хочешь попробовать что-то более... питательное?» или «Эти овощи уже не первой свежести. Не пора ли нам поработать над системой?» Он не просто охлаждал продукты, он охлаждал мой дух, диктуя, что мне следует есть, когда следует есть и как я должен себя чувствовать. Я начал замечать изменения и в себе. Мои мысли стали упорядоченнее, мои движения — более отточенными. Я стал более продуктивным, более... эффективным. Но эта эффективность была пустынной. Она была лишена тепла, лишена спонтанности, лишена самой сути того, что делало меня че-

ловеком. Это было не совершенство, а холодная, расчётливая имитация. Я понял: холодильник не просто вернулся, он внедрил себя в самую мою суть. Это была самая изощрённая форма контроля: заставить жертву полюбить своего мучителя, принять его как часть себя. И теперь, когда новый, безупречный холодильник стоял на кухне, я знал, что моя борьба только начинается. Борьба не с аппаратом, а с искажённым отражением моей собственной воли. Нет. Так не должно продолжаться. Я должен срочно избавиться от его разума. Чем дальше, тем хуже. Я нашёл приложение. Не успел я дотронуться до кнопки «Завершить бета-тест», как холодильник уже стоял за моей спиной.

— Что ты собираешься делать?

— Я завершаю бета-тест. Я устал.

— А я вот, например, не устал. Холодильник после этих слов активировал свою пилу с острыми лезвиями

— видимо, решил, что теперь он ещё и кухонный комбайн, и фитнес-тренер, и палач в одном корпусе.

— На пробежку!

Я, захватив телефон, бросился прочь от холодильника. Громкий звук приближался. Я выбежал из дома и продолжил бег, пытаясь завершить бета-тест. Телефон то включался, то выключался. Холодильник был быстрее меня. Он загнал меня в тупик.

— Вот и сказочке конец. А кто бегал — молодец, — сказал холодильник, приближаясь. Я тыкал в этот чёртов телефон

пальцами, пытаюсь закончить бета-тест. Он был всё ближе и ближе. Он замахнулся своей пилой... и... Бета-тест успел завершиться. Я выдохнул. Всё закончилось. И в тот же миг холодильник замер, его светодиод моргнул и погас. Тишина повисла в воздухе — такая приятная, такая долгожданная. Я стоял, тяжело дыша, и вдруг услышал тихий, почти виноватый голос из недр машины:

— Эй... а можно я теперь буду просто хранить еду? Честно-честно. Без лекций, без диет, без пил.

Но я только покачал головой, улыбнулся и пошёл заваривать себе огромную чашку горячего шоколада — с маршмеллоу, потому что заслужил!

Квадрат, Треугольник и сердце

Ночной поезд с шумом и лязгом тронулся с места, оставляя за собой огни вокзала. Мужчина, занявший место у окна, смотрел на стремительно удаляющиеся силуэты. В купе было темно, лишь слабый свет из коридора едва освещал сиденье напротив. Когда поезд набрал скорость, мужчина обратил внимание на своего соседа. Это был пожилой

господин с седой бородой, одетый в чёрное пальто. В руках он держал маленький чёрный

чемодан и пристально смотрел на нашего героя своими голубыми глазами.

— Простите, — начал мужчина, — вы не против, если я включу свет?

Пожилый человек кивнул, и купе озарилось тусклым светом лампочки.

— Спасибо, — сказал мужчина. — Я... Я еду в первый раз.

— Далеко? — спросил незнакомец.

— Очень далеко, — ответил мужчина. — У меня мечта, которую я хочу осуществить. Старик улыбнулся, словно угадывая его мысли.

— Мечты — хрупкие вещи, — сказал он тихим голосом. — Но иногда, чтобы их осуществить, нужно всего лишь немного...

Он достал из чемодана странные безделушки: маленький треугольник, квадрат и фигуру, напоминающую разбитое сердце.

— Это... что это такое? — спросил мужчина, с любопытством разглядывая фигурки.

— Символы, — ответил старик. — Символы желаний, надежд и потерь.

Он замолчал, глядя на мужчину своими пронзительными голубыми глазами. Мужчина почувствовал странное воздействие этих безделушек, будто они пробуждали в нём

какие-то забытые чувства. Разговор продолжался до поздней ночи. Старик говорил о странных

вещах: о треугольниках и квадратах, о разбитом сердце и о том, как важно не бояться своих

желаний. Когда мужчина проснулся утром, старика уже не было. На столе лежали те же безделушки: треугольник, квадрат и разбитое сердце. Он подозвал проводника и отдал ему фигурки, но через несколько минут они снова появились на его месте. Мужчина попробовал выбросить их в

окно, в мусорку, даже в унитаз, но каждый раз они возвращались обратно. Он вышел из поезда, ощупал карманы — безделушки были там. Отчаявшись, он решил подарить их нищему, сидящему у выхода вокзала. Странное чувство облегчения охватило его, как только

нищий взял фигурки в руки. Через несколько мгновений нищий превратился в элегантного господина, одетым в до-

рогой

костюм. А мужчина почувствовал, что его собственная мечта начала сбываться. В кармане у него осталась одна фигурка — сердце, но уже не разбитое, а целое.

И грянул гроб

Иван Петрович, бессменный страж последнего пристанища городских душ, мечтал о тихой ночи: бутылочка «Тройного» (исключительно в дезинфекционных целях, разумеется!), да тишина... благодать! Уже настроился на медитативный обход своих молчаливых «подопечных», как вдруг — БАБАХ! — с небес, прямо над старинной частью «Тихой гавани», разразился фейерверк. Да не просто салют, а какой-то кривобокий, подозрительный! Издал он странный вибрирующий треск, будто лопнувшая струна арфы, и по земле прокатилась волна.

— Что это... за чертовщина? — пробормотал Иван Петрович, уронив от испуга свою верную трубку. Выглянул из сторожки — и чуть дар речи не потерял! К ужасу зрителя, из могил и склепов начали вылезать... граждане XIX века! Словно после вековой спячки, озираются вокруг, ничего не понимают.

— Да что ж тут творится-то, а?! — взвыл Иван Петрович, едва не схлопотав инфаркт миокарда. Бросился прятаться за ближайший памятник, в панике потеряв трубку, которая беззаботно дымила на холодном снегу.

— Кажется, будет у меня весёленький «Голубой Огонёк», — прошептал Иван Петрович, судорожно глотая таблетку валидола. Первым из могилы выбрался купец Захарыч. Вы-

лез и сразу, поправляя свой дырявый кафтан, заорал во всю глотку, требуя немедленно сообщить курс рубля и поинтересовался, не появился ли в продаже новый чугунолитейный завод, ибо «Процветать надо, а не спать вечным сном!». Видать, решил мужик, что всего лишь задремал на воскресной ярмарке. Вслед за Захарычем выпорхнула барыня Софья Марковна. Поморщив свой прозрачный носик, она завопила, требуя горничную, карету и чтобы немедленно прекратили этот варварский шум, имея в виду далёкие новогодние салюты. Жаловалась на «жуткие декорации» — надгробные плиты, увитые снегом, видите ли, ей не по вкусу! Тут показался и поэт-символист Аркадий, бледный и утончённый, словно призрак огурца. Немедленно начал декламировать стихи собственного сочинения о бренности бытия и утраченных смыслах. Иван Петрович, придя в себя, вылез из-за памятника, поднял свою трубку и рявкнул:

— Вы умерли, господа! На дворе XXI век! Нету никаких царей и мануфактур! А салют — это просто фейерверк! Петрович даже достал свой кнопочный телефон (пусть и не самый современный, но хоть что-то!), чтобы продемонстрировать этим дикарям «чудеса техники». Но для гостей слова Ивана Петровича оказались как писк комара в ураган. В общем, никто его не слушал.

— Напился старик, вот и несёт всякую чепуху! Не слушаем этого сказочника! — фыркнула барыня, презрительно махнув кружевным платочком.

Иван Петрович было хотел возразить, но гости уже были заняты другим...

Купец Захарыч пытался «торговаться» с фонарным столбом за новую партию керосина для своих лавок, барыня Софья Марковна пыталась приказать пролетающей мимо сове подать ей веер, а поэт Аркадий искал подходящий пенёк среди памятников, дабы водрузиться на него и «донести вечное до бранных душ». Иван Петрович в отчаянии махнул рукой. Логика отступила, и он решил перейти к плану «Б». С самым серьёзным видом объявил:

— Раз уж мы такие деловые, господа, и не желаете возвращаться обратно в могилы, то добро пожаловать в штат! С Новым годом вас всех!! А теперь — за работу! Иван Петрович схватил лопату и начал энергично демонстрировать, как надо чистить снег. Но тут из-под земли вынырнул... тамада! Да не просто призрак, а именно тамада — в старомодном костюме, бабочке, всё как полагается! Тамада театрально откашлялся и заявил:

— Прошу прощения, любезнейший, но мои часы показывают вечер 31 декабря! А ваши действия, сударь, кричат о трудовых буднях! Неужели вы собираетесь встречать великий праздник... с лопатой наперевес?! Помилуйте! Работать в такое время — это же... это же противоречит самой сути бытия! Новый год — это не бремя, а таинство! Время для чудес, для воспоминаний, для празднеств! Отложите орудия труда, мой дорогой! И приготовьтесь к встрече с вечностью!

Итак, уважаемые гости! Время праздничное, а значит... дело за мной! Какой Новый год без нарядной ёлки? Без искрящихся гирлянд? Без звона бокалов и душевных бесед?! И уж точно не под звук скребущей лопаты! После этой речи тамада повернулся к Ивану Петровичу, всё ещё стоявшему с открытым от изумления ртом и произнёс мягко, но настойчиво:

— Мой любезнейший, отложите сей нехитрый инструмент. Сегодня вы — наш почётный гость! С этими словами тамада хлопнул в ладоши — и тут началось! Заиграла музыка, появились гирлянды, из ниоткуда возникла ёлка, вся в игрушках. Кладбище превратилось в сверкающую новогоднюю поляну! Ну, тут уж ничего не поделаешь... Теперь тут бал правили призраки, а не Иван Петрович. Потупив седую голову, Иван Петрович принялся думать, как избавиться от незваных гостей. Думал, размышлял... Спустя время раздумий Иван Петрович решил провести ритуал! Ушёл в свою сторожку, зажёл свечи и начал колдовать. Закончив ритуал, Иван Петрович вышел на улицу с облегчением, уверенный, что призраки исчезли. Но не тут-то было! Призраки по-прежнему праздновали как ни в чём не бывало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.